

МАРИЯ
МИРОШНИК

ДЬЯВОЛ В ОТРАЖЕНИИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М64

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© TopW59 / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Редактор серии *Л. Латышова*
Дизайн обложки *А. Коровиной*

Мирошник, Мария Леонидовна.

М64 Дьявол в отражении / Мария Мирошник. — Москва :
Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-247031-8

Анна Водынская, выпускница Смольного института, возвращается в дом тётушки под Петербургом, надеясь на покой и долгожданную встречу с отцом. Но вместо счастливой жизни её ждут сватовство, о котором она не подозревала, тревожные ночные крики и тайные встречи в коридорах усадьбы. Чем больше она узнаёт, тем яснее становится, что за парадным фасадом семьи скрывается паутина интриг, а каждая улыбка может оказаться маской. Когда же в доме начинают происходить убийства, Анна понимает: прошлое её рода куда страшнее, чем она могла представить, и правда может стоить ей жизни.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-247031-8

© Мирошник М.Л., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Моей семье

Автор не претендует на историческую достоверность,
хотя и пытается ей соответствовать.

Приятного прочтения!

ПРОЛОГ

Aditum nocendi perfido praestat fides.
Доверие, оказываемое вероломному, даёт
ему возможность вредить.

Сенека, «Эдип»

Весточка

Дорогая Анна Павловна!

Пишу себя надеждами, что хотя бы на это письмо я сумею получить ответ. Знаю, что прошло много лет, но мысли о нашей дружбе так и не ушли из головы. Молю, не мучьте меня более и разрешите мою судьбу: хоть отказ и, более того, согласие принесут мне покой и успокоение. Не будьте же жестокой!

Слуга Вашей тётюшки подсказал, что я могу найти Вас здесь, в Смольном институте. Надежды мои невелики, а слухи в деревне разнятся, но я молю Бога о Вашем ответе. Я уже давно не надеюсь на встречу, но не могу отрицать, что вид Вашего лица способен на долгие годы посвятить во мне тягу к жизни. Клянусь, ни одна страсть в мире, ни одно увлечение не сравнятся с желанием увидеть Вас ещё раз!

Прошу о единственной весточке, написанной Вашей рукой. Анна Павловна, только назовите, что на сей раз я избрал правильный адрес!

Мария Мирошник

Ваш образ стал слишком навязчивым в моих мыслях. Не могу перестать думать о том, какой стала бы наша дружба, неразлучна ли троих судьба. Надеюсь, и Вы обо мне вспоминаете.

Не молчите, если на сей раз госпожа Удача оказалась на моей стороне впервые за двенадцать лет...

Искренне Ваш, Евгений Бакиев.

Отцовское письмо

Моя дорогая, неповторимая дочка!

Один Господь видит, как я жду нашей встречи! Родительское сердце способно пережить любые невзгоды, но никак не разлуку с его чадом. К сожалению, меня настиг неприятный недуг — кашель и грудные боли совсем не покидают меня.

Будь уверена, совсем скоро мы обязательно встретимся, а пока я вынужден просить тебя после выпускного бала погостить у твоей тётюшки — моей дорогой сестрицы — Александры Егоровны. Она уже обо всём предупреждена и ждёт тебя с распростёртыми объятиями.

Как только я буду уверен, что ничего из вышеперечисленных симптомов не угрожает нам, я тут же заберу тебя домой.

С неподдельной любовью, отец.

ГЛАВА 1

Дорога назад

*Округ Санкт-Петербурга
1805 год*

Экипаж в который раз подскочил на кочке. Не удержав равновесия, я резко покачнулась и ударилась многострадальным плечом об оконную раму кареты. Шипение против моей воли сорвалось с губ, а рука взметнулась к месту ушиба.

— Сударыня, прошу простить! — раздался голос престарелого извозчика. — Не заметил выбоину, глаза не видят уже. Совсем стар стал.

— Всё хорошо, Архип! Не переживай, — достаточно громко ответила я, пытаясь перекричать стук копыт.

Словно отреагировав на мои слова, шестёрка лошадей¹ ускорила. Тётушкин экипаж, отличающийся редкостной теснотой и тёмной отделкой, послушно последовал за животными.

Отодвинув бордовую занавеску, я выглянула на улицу и сделала глубокий вдох. Свежий воздух, смешанный с ароматом высокой травы и мокрой земли, зашекотал нос. Я не сдержала улыбку.

Повозка мчалась по просёлочной дороге мимо пшеничного поля. На улице стоял конец мая, но воздух всё ещё отличался бодрящей прохладой. Поплотнее укутавшись в шаль, я в который раз пожалела, что под

¹ Шестёркой лошадей разрешалось ездить только дворянам.

влиянием моды шерстяная ткань с каждым сезоном становилась всё тоньше и тоньше, никак не считаясь с холодным климатом Санкт-Петербурга.

Молодые кони уносили нас всё дальше и дальше от города, в котором я провела двенадцать лет жизни. Словно в напоминание об этом, с плеча съехала белоснежная пелерина — часть гардероба старших учениц института благородных девиц. Спихватившись, я быстро завязала атласные ленты под самым горлом и с тоской оглядела тёплый салоп¹, лежащий на сиденье напротив. Плотная ткань легко защитила бы меня от пробирающего до костей сквозняка, но тогда она измяла бы парадную форму.

В сотый раз за сегодня я отдёрнула край туго зашнурованного корсета, но и эта попытка оказалась тщетной. Проезжая очередную поляну, благоухающую мокрой травой, я против воли потянулась к окну за глотком свежего воздуха. Это было так непривычно и прекрасно, что я позволила себе маленькую поблажку: с трудом протиснула два пальца под край лифа, закреплённого китовым усом, и что есть мочи потянула от себя. Образовавшееся пространство позволило мне несколько раз вдохнуть полной грудью, но удовольствие продлилось недолго. Ногти быстро побелели от остановившегося кровообращения, поэтому я была вынуждена вернуть всё на свои места.

Наконец, бескрайние поля за окном стали сменяться деревушками, а затем посёлками и усадьбами. Всё чаще около дорог встречались загорелые крестьяне и рогатый скот. Несколько чумазных детишек в рваных рубашках до пят и потрёпанных зипунах

¹ Салоп — широкое женское пальто с прорезями для рук и небольшими рукавами.

помахали мне, и я ответила тем же, невольно продемонстрировав местной публике изящную ладонь, затынутую в лайковую перчатку. Одна особенно враждебно настроенная женщина при виде дорогой ткани показательно фыркнула и проводила наш экипаж злобным взглядом, от которого у меня по спине побежал холодок.

Несмотря на всё это, я чувствовала небывалое воодушевление. Годы строгих ограничений, злых классных дам и нещадных диет остались позади. Впереди меня ждала встреча с горячо любимым отцом, но прежде — с тётушкой. Я в который раз расправила подол однотонного белого передника, помня, как сильно мамам любит опрятность в одежде и причёске. По правде говоря, именно она приложила руку к тому, чтобы меня отослали в Смольный, — с её слов, в институте меня должны были научить всему, что обязана уметь молодая барышня.

Не знаю, что именно подразумевала под этим тётушка, но, побывав она на уроке, уверена, осталась бы в восторге.

Не выдержав напора холодного, практически ледяного воздуха из окна, я всё-таки накинула пальто и аккуратно расправила полы, стараясь оставить между драпом и отглаженной формой небольшой зазор. Спасительное тепло тотчас обьяло плечи и руки. Задёрнув поплотнее тяжёлую портьеру, я откинулась назад и задремала.

Карета содрогнулась, попав в очередную яму. Затылок отозвался тупой болью после встречи с бархатной обивкой экипажа. Спустя некоторое время экипаж остановился. За окном раздались чьи-то голоса и торопливые шаги. Не удержавшись, я отогнула край шторки и выглянула в окно. Карета остановилась на мощёной площадке перед двухэтажной усадьбой, оби-

той бледно-жёлтыми досками. Около крыльца бегали женщины.

— Крепостные, — тихо подытожила я, приглядевшись к изношенным рубахам.

Крестьянки торопливо наводили лоск перед приездом гости: сдёргивали влажное бельё с верёвок, оттаскивали корзины ближе к забору, загоняли разбежавшихся птиц обратно в курятник. Одна совсем молодая девчонка оттирала нижние ступени крыльца большой затасканной тряпкой.

Мужчины тоже не оставались в стороне: скрючившийся старичок спешно собирал скудный, разбросанный на лавке инвентарь для починки лаптей, мальчишка лет шести крутился рядом с явным желанием помочь, но своей суетой доставлял лишь больше проблем.

Не в силах более наблюдать за неугодной моему сердцу шумихой, я прикрыла окно занавеской и вернулась на место. Надела шляпку, на ощупь расправила все ленты и кружева.

Ещё некоторое время я оставалась в одиночестве, до тех пор, пока Архип не соизволил открыть мне дверь и помочь выбраться из кареты. Не успела я твёрдо встать на землю, как услышала давно забытый, практически незнакомый голос.

— Аннушка! Дорогая моя! — воскликнула тётушка и тут же принялась меня обнимать, разглядывать, трогать, крутить. — Как ты выросла! Как похорошела! Настоящий бутон розы, если не прекраснее!

— Право, мадам, вы меня смущаете, — вежливо ответила я, смущённо опустив глаза к полу — всё как учили на многочисленных уроках этикета. — Безмерно рада нашей встрече, дорогая тётушка.

Женщина, кажется, осталась довольна моей реакцией. Некоторое время она ещё продолжала крутить меня за плечи, разглядывая со всех сторон.

Полностью утолив своё любопытство, Александра Егоровна отпустила меня, предоставляя возможность незаметно изучить её. Сшитое по личному заказу платье сидело на фигуре женщины как влитое, седые волосы были собраны в объёмный пучок на затылке, на короткие пальцы нанизаны два кольца. Помолвочное с большим рубином на одной кисти и простое свадебное с небольшим изумрудом — на второй. Проницательный орлиный взгляд подмечал все детали. Прямой нос завершал благородный профиль. Лишь незнакомые борозды морщин усеивали её когда-то гладкое и пухлое лицо.

Александра Егоровна Румянцева осталась точно такой, какой её запомнила напуганная шестилетняя девочка, отданная на воспитание в Смольный институт. Малютка, отец которой мог нанять ей учителей и гувернантку, но не сделал этого. Бесправный ребёнок, отосланный из дома, чтобы «подать пример остальным бестолковым девицам». Брошенное дитя, чьи родители оставили его.

— Как ваше здоровье, мадам? Надеюсь, мигрени не беспокоят вас так сильно, как вы рассказывали в письмах.

— Сейчас мне куда лучше, а с твоим приездом, уверена, боли и вовсе пройдут!

Тётушка взяла меня под руку, и мы медленно побрели по дорожке дальше, к крыльцу. По сравнению с картиной, увиденной через окно кареты, сейчас двор выглядел как самое спокойное и умиротворённое место. Лишь изредка из-за створки всё ещё открытых настежь ворот появлялись лица крепостных. Они с жадным интересом рассматривали меня и мой багаж, который Архип молча нёс рядом.

— Мадам, вы не получали вестей от батюшки? Он не упоминал, когда заберёт меня?

— Ох, дитя моё, ты ещё не знаешь? — Ровный голос тётушки на секунду дрогнул, но быстро вернулся в привычное русло. — Отец твой занемог. Жар и кашель держатся уже несколько недель. Исхудал братец мой...

От услышанного все правила приличия вылетели из головы. Я резко затормозила.

— Что?! Что с ним? Уж не чахотка ли?! Я слышала, в столице эпидемия. Все опасаются карантина. Неужели и батюшку настигла эта зараза?

Александра Егоровна почти материнским жестом обхватила мою ладонь и заговорила чуть спокойнее:

— Не знаю, душенька, не знаю. В последнем письме я настояла, чтобы он врача столичного вызвал да не вздумал от должного лечения отказываться. Он так и сделал. Благо доктор хороший оказался: узнал мой адрес и отправил весточку, когда я от брата ответа так и не дождалась. Написал, что пациент наш исхудал, но от еды не отказывается и вообще настроен в скором времени на ноги встать. Подозреваю, тебя так увидеть желает, вот и не сдаётся. — Тётушка настойчиво подтолкнула меня дальше по дороге. — Просил меня приютить нашу красавицу, а сам, как на ноги встанет, так тебя заберёт отсюда. Не грусти, Аннушка, он сейчас готов свернуть горы — так скучает по тебе!

Стоило мыслям успокоиться, как в голову полезли воспоминания. О том, как отец везёт меня в институт, как расписывается под обязательством — не требовать меня к дому раньше срока, как оставляет с классной дамой и, не попрощавшись, уходит. Хотя чувствовало моё сердце, что не желал он такого исхода! Не в силах был возразить своей властной сестре.

— Это точно — горы свернёт, — шёпотом повторила я.

ГЛАВА 2

Иные причины тёплой встречи

Обеденный стол ломился от закусок. Тарелки с запечёнными яблоками соседствовали с кусочками хрустящего хлеба и ломтиками тушёной свинины. Количество еды превосходило все разумные пределы.

— Тётушка, к чему такой пир? Мы же вдвоём не управимся.

— Как же «к чему»? — искренне удивилась женщина. — Конечно же, к твоему приезду!

Не успели нотки стеснения и толика радости тронуть мою душу, как тётушка жестом приказала сесть, а сама заняла место во главе стола — на месте покойного дядюшки. Недолго думая, я обошла её с левой стороны, но стоило мне положить ладони на спинку стула, как Александра Егоровна взмахом руки остановила меня.

— Аннушка, ради бога, садись справа. — На лице тётушки расцвела терпеливая улыбка. — Мы же одна семья. Ну что ты, в самом деле?

Присев в коротком реверансе, я обошла стол и заняла указанное место.

— Благодарю, мадам.

В груди против воли зародился слабый огонёк надежды. Едва заметное пламя, отблески которого окрасили глухую стену обид, выстроенную в глубоком детстве.

Опустив глаза и слегка улыбнувшись, я потянулась за салфеткой. Сняла серебряное кольцо, принялась расправлять ткань, прощупывая пальцами в перчатках чуть выступающую вышивку с инициалами рода Румянцевых.